

Р. Ш. Джарылгасинова

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОНИМИЯ КОРЕЙСКИХ
ПОСЕЛЕНИЙ НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ
ВОСТОКЕ**

(вторая половина XIX – начало XX в.)

*Светлой памяти Учителя –
Георгия Федоровича Кима – посвящаю*

Во второй половине XIX в. Россией было заключено с Китаем два договора: Айгунский договор 1858 г. и Пекинский трактат 1860 г. Первый признавал за Россией ее власть в Приамурье, а согласно второму – к России перешло Приморье. С 1860 г. южная граница Приморской области была доведена до р. Туманган, по которой – в нижнем ее течении – стала проходить русско-корейская граница. После подписания Пекинского трактата в состав Приморской области был включен обширный Южно-Уссурийский край, который граничил с севера с Удским краем, с запада – с китайской Маньчжурией, с северо-запада – с Уссурийским казачьим округом; с юга – частью с Маньчжурией, а также с Кореей, с востока омывался водами Татарского пролива и залива Петра Великого.

К началу 60-х годов XIX в. относится и появление первых корейских переселенцев в Южно-Уссурийском крае (хотя, возможно, единичные случаи проникновения на эту территорию корейцев имели место и в более ранний период). Однако, несомненно, попыткам корейцев закрепиться на этой земле, поселиться здесь семьями и основывать небольшие селения в значительной степени способствовали появление и укрепление здесь российских военных постов. Так, в 1860 г. из Хабаровска в Приморье прибыли две роты 3-го линейного батальона, которые образовали ряд военных постов: в Посьете, Раздольном, Никольском, Угловом и других местах¹. В 1860 г. в заливе Посьета был основан Новгородский пост. Первые корейские семьи числом 13–14 (или 20) появились около Новгородского поста у залива Посьета в 1863 г., о чем 30 ноября 1863 г. поручик Рязанов (Резанов) – начальник Новгородского поста – сообщил в рапорте первому военному губернатору Приморской области (1856–1865) контр-адмиралу Петру Васильевичу Казакевичу (1816–1887).

Губернатор удовлетворил просьбу корейцев поселиться (20 семей) в долине р. Тизинхэ. Предписание П.В. Казакевича было получено Рязановым осенью 1864 г. К этому времени около 60 корейцев уже жили на указанной реке, имея огороды, пашни и скот². Более подробное официальное извещение о переселившихся в Россию корейцах содержалось в рапорте Рязанова на имя военного губернатора Приморской области от 21 сентября 1864 г. В нем сообщалось, что корейцы поселились на р. Тизинхэ и прилежно занимаются земледелием. Поручик просил разрешения открыть им сбыт хлеба (преимущественно гречихи), построить мельницу и оказать пособие³.

Второе официальное извещение Рязанова П.В. Казакевичу от 21 сентября 1864 г. было признано в 1914 г. корейской общественностью Приамурского края в качестве основной даты для празднования 50-летия переселения корейцев в Россию⁴.

Во второй половине XIX в. кризис корейского феодального общества, отягощенный вторжением империалистических держав, их борьбой за “открытие” Страны утренней свежести, сопровождался эмиграцией корейцев, прежде всего крестьян, в соседние страны – Россию и Китай.

Пытаясь определить причины начала корейской миграции в Россию, русский ученый и путешественник Н.М. Пржевальский в 1870 г. писал: “Густая населенность Корейского полуострова и развившиеся там, вследствие этого, нищета и пролетариат; грубый деспотизм, сковавший собой все лучшие силы народа; наконец, близость наших владений, обильных плодородною нетронутою почвою – все это было сильною пружиною, достаточною даже для того, чтобы заставить... жителей востока, отречься от преданий прошлого и, бросив свою родину, искать себе в новых условиях и новой обстановке, лучшей и более обеспеченной жизни”⁵.

В 1868–1869 гг. Н.М. Пржевальский застал в районе Посыета три корейских деревни Тизинхэ (Тызен-хэ), Янчихэ (Янчи-хэ) и Сидими (Сидеми). Первая (основана в 1863 г.) лежала в 18 верстах на северо-восток от Новгородской гавани на р. Тизинхэ. Она имела и русское название – слобода Рязановка. Вторая появилась на р. Янчихэ, в 14 верстах на северо-запад от Новгородской гавани в 1867 г. Третья, обозначавшаяся на картах 1866–1870 гг., как *Корейская деревня*, была расположена в 80 верстах на северо-восток от Новгородской гавани на р. Сидими. По данным Н.М. Пржевальского, в 1868–1869 гг. в этих деревнях проживало 1800 человек. Наиболее населенной была д. Тизинхэ⁶.

Переселенческое движение усилилось после 1869 г., когда большие наводнения в Корее нанесли урон хозяйству и привели к страшному голоду. В конце 1869 г. границу перешло, по одним данным, около 7000, по другим, 4500 человек. Русская администрация Приморской области расселила часть корейцев по рекам Суйфун, Лефу и Даубихэ. В 1871 г. у р. Самарки (бассейн р. Амур), в окрестностях Благовещенска, было образовано корейское с. Благословенское. На начало 1898 г. в Приморской области проживали 23 279 корейцев (14 184 мужчины и 9095 женщин) – русских и корейских подданных⁷.

Наиболее компактно корейское земледельческое население проживало в Посыетском участке. Эта территория с юга и юго-востока граничила с Кореей и омывалась водами залива Петра Великого, с запада и северо-запада граница шла по русской границе с Маньчжурией, с севера – Суйфунским участком. Немало корейцев жило в русских селах и деревнях. Постепенно на русском Дальнем Востоке образовались многочисленные корейские деревни, прежде всего в долинах рек Фаташи, Янчихэ, Тизинхэ, Сидими.

Мощным толчком к миграции корейцев в Россию стали события, связанные с установлением протектората Японии над Кореей (1905 г.), а затем с установлением в Корее японского колониального господства (1910 г.). Уже в 1910 г. в Южно-Уссурийском крае находилось свыше 50 тыс. корейцев, которые проживали в 104 корейских селениях⁸. Корейцы жили также в Амурской и Забайкальской областях, а также в городах Никольск (с 1926 г. Никольск-Уссурийский), Владивосток, Николаевск, Хабаровск. Во Владивостоке существовал корейский квартал.

Частично миграция корейцев продолжалась и в годы гражданской войны, и в период борьбы за установление советской власти на Дальнем Востоке. Хотя в это время в Россию переселялись в основном выходцы из северных провинций Кореи, немало корейцев выезжало из центральных и южных районов страны.

После 1917 г. история корейцев Советской России неотрывна от ее судьбы – ее успехов и трагических событий.

Согласно данным переписи 1926 г., на советском Дальнем Востоке проживало 168 009 человек⁹. Основная масса корейцев жила в Южно-Уссурийском крае, в долине р. Усури и по ее правым притокам, а также в долинах рек Суйфун, Сучан, в Амурском и Зейско-Алданском округах, по Нижнему Амуру, по побережью Японского моря от Владивостока до залива Де-Кастри. Небольшие группы корейцев проникали в Забайкалье, в Охотский край, на Камчатку, в Западную Сибирь, в европейскую часть страны и в Среднюю Азию и Казахстан. Наиболее компактное земледельческое корейское население проживало в Южно-Уссурийском крае.

В 1937 г. корейцы были подвергнуты необоснованным репрессиям и насильственным переселены с Дальнего Востока на территорию республик Средней Азии и Казахстана. Трагические события 1937 г. прошли через судьбы и жизни сотен тысяч советских корейцев, а нарушение социалистической законности нанесло значительный урон развитию их национальной культуры. Историческая справедливость в отношении советских корейцев начала восстанавливаться лишь с середины 1950-х годов. Именно в указанное время корейцам разрешили вернуться на Дальний Восток и в Приморье. Однако и в наши дни основная масса корейцев проживает в Узбекистане и Казахстане.

Целью данной статьи является анализ возникновения и бытования некоторых наименований корейских поселений на российском Дальнем Востоке (60-е годы XIX – начало XX в.).

Основными источниками для данной работы послужили публикация архивных материалов Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИАДВ) – “Корейцы на российском Дальнем Востоке (вторая половина XIX – начало XX в.): Документы и материалы” (Владивосток, 2001); материалы архива Н.В. Кюнера, хранящегося в Музее антропологии и этнографии (МАЭ) им. Петра Великого РАН (Санкт-Петербург), в частности подборка газетных вырезок (газеты Дальневосточного края); карты Уссурийского края и Приморской области, опубликованные в качестве приложений к трудам Н.М. Пржевальского (СПб., 1870) (Карта Уссурийского края. Составлена по карте Шварца и карте Южно-Уссурийского края, изданной в г. Иркутске чинами Генерального штаба в 1866 г.), Д.И. Шрейдера (СПб., 1897) (Карта Уссурийского края), П.Ф. Унтербергера (СПб., 1912) (Карта Приморской области Южно-Уссурийского края, шести полицейских станом и двух казачьих округов, на землях которых поселились корейцы – корейские подданные. Составлена в 1908 г. по сведениям, собранным в 1906–1907 гг. чиновником особых поручений при Примурском Генерал Губернаторе надворным советником Казариновым). Ценными источниками стали свидетельства русских путешественников, посещавших корейские поселения, – Н.М. Пржевальского, Д.И. Шрейдера, Н.Г. Гарина-Михайловского, епископа Хрисанфа (Х.П. Щетковского). Особую группу источников составляют публикации мемуаров людей, живших в этих селениях до 1937 г., либо их воспоминания о жизни и деятельности предков – отцов и дедов.

Историография трудов, посвященных корейцам российского Дальнего Востока в дореволюционный период и в первые десятилетия советской власти, богата и разнообразна. После насильственной депортации корейцев с Дальнего Востока в 1937 г. в науке наступает длительный период умолчания.

Лишь в 60–70-е годы XX в. появляются первые значительные работы, посвященные этой проблематике. Особое место принадлежит труду историка Ким Сын Хва “Очерки по истории советских корейцев (Алма-Ата, 1965) и книге М.Т. Кима “Корейские интернационалисты в борьбе за власть Советов на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.) (М., 1978). В этих работах содержатся важные для нашей проблематики материалы по истории возникновения и наименования корейских поселений на Дальнем Востоке. Из работ последнего десятилетия прежде всего необходимо выделить труды Б.Д. Пака и А.Н. Петрова, а также Н.Ф. Бугая.

подавляющее большинство наименований корейских поселений возникли в первые десятилетия жизни корейцев на российском Дальнем Востоке, затем продолжали бытовать и в годы советской власти вплоть до 1937 г. – года депортации. Насильственное выселение корейцев привело к запустению и гибели их деревень и сел; “ушли из жизни” и исчезли с карт, как мифическая Атлантида, наименования корейских поселений. Сегодня мы знаем о них лишь из архивных материалов, исторических карт и сочинений, мемуарной литературы.

Между тем для понимания истории заселения корейцами российского Дальнего Востока изучение исторической топонимии корейских поселений представляет особый интерес, так как она отражает пути заселения корейцами Приморской, а затем

Приамурской областей России, восприятие ими бытовавшей здесь до них топонимической системы, исторические, культурные и лингвистические контакты с русскими, появление наименований, восходящих к корейскому языку.

Изучение исторической топонимии корейских поселений российского Дальнего Востока связано с большими (прежде всего, лингвистическими) трудностями. Об этом еще в 1914 г. прекрасно написал знаток корейского языка, профессор Восточного института (г. Владивосток) Г.В. Подставин: "...для обозначения административных делений Приамурского края, как-то: областей городов, уездов, селений, заимок и т.д., точно также как для гор, рек, озер и прочих географических пунктов корейцы пользуются собственными географическими названиями, [1] из коих некоторые восходят к глубокой древности этого края и представляют собой корейскую транскрипцию тех китайских иероглифов, которые были исстари приняты для того или иного пункта китайцами, [2] другие создаются вновь и присваиваются самими корейцами местам их поселения – независимо от русского названия данной местности и [3] только весьма немногие представляют собою попытку воспроизвести соответствующее русское название, конечно, с весьма значительным иногда его искажением, которые вызываются как особенностями корейского произношения русских слов, так и способом изображения географических названий на письме. При этом нередки случаи, когда идентифицировать корейское название данной местности с ее русским наименованием или определить по корейскому названию какого-либо пункта место его нахождения представляется весьма затруднительным даже при помощи самих корейцев, если, конечно, это не касается насиженных мест и прочно установившихся их наименований"¹⁰.

К этим трудностям необходимо отнести и тот факт, что многие топонимы и микропонимы отражали особенности корейских диалектов.

Предварительное ознакомление с исторической топонимией корейских поселений на российском Дальнем Востоке¹¹ свидетельствует о том, что среди этих наименований были топонимы, связанные с древней гидронимией края (в основном китайского и, возможно, маньчжурского происхождения) – *Тизинхэ*, *Янчихэ*, *Сидими*, *Адими* и др.; топонимы, которые имели "второе" русское название – например, д. *Тизинхэ* – слобода *Рязаново* (*Резаново*). Широко бытовали гибридные наименования, например, *Нижняя Янчихэ*, *Верхняя Янчихэ*, *Верхняя Фаташи*, *Средняя Фаташи*, *Нижняя Фаташи* и др. Были распространены и топонимы и особенно микропонимы корейского происхождения, например, *Намхяндон*, *Намкачэги*, *Пуккачэки*.

Среди наименований корейских поселений имелись и русские названия. Значительную группу среди русских топонимов составляли традиционные русские наименования с прозрачной этимологией, например, *Красное село*, *Заречье*, *Песчаная*; некоторые – восходили к русским гидронимам. Ряд топонимов были связаны с фамилиями представителей русской администрации, в той или иной мере способствовавших обустройству корейских переселенцев.

Рассмотрим некоторые из наименований корейских поселений, возникших на российском Дальнем Востоке во второй половине XIX в. Первыми из этих топонимов нами будут проанализированы названия деревень *Тизинхэ*, *Янчихэ* и *Сидими*, которые упоминал Н.М. Пржевальский в труде "Путешествие в Уссурийском крае".

Тизинхэ (*Тызен-хэ*, *Тизенхэ*, *Кизинхэ*, *Тизирах*) – первая корейская деревня, основанная в 1863/1864 г. В ней жили 13 (или 14) корейских семей. Название деревни восходит к гидрониму китайского (или маньчжурского) происхождения. Четко прослеживается китайский географический термин хэ ("река"). Корейцы называли *Тизинхэ* *Чисинхе* (по сообщению М.Н. Пака) – это наименования представляло собой корейское чтение китайских иероглифов, которыми был обозначен гидроним и топоним *Тизинхэ*.

В 1865 г. деревня получила и русское название – слобода *Рязанова*. Его дал военный губернатор Приморской области П.В. Казакевич. Позднее деревня именовалась также *Рязановкой*. Русское название имеет отантропонимическое происхождение и восходит к фамилии поручика *Рязанова* – командира Новгородского поста, приняв-

шого начиная с 1863 г. большое участие в судьбах и обустройстве первых переселившихся корейских семей.

Большой интерес представляет “Докладная записка исполняющего должность инспектора линейных батальонов Восточной Сибири, расположенных в Приморской области полковника Ольденбурга”, датированная 25 сентября 1864 г. (г. Николаевск): “При осмотре мною 4-й роты линейного 3-го батальона Восточной Сибири, расположенной в гавани Новгородской, командующий этой ротой мне доложил, что четырнадцать семейств в числе шестидесяти пяти душ обоего поля перешли из Кореи в январе месяце сего года в Приморскую область, построили фанзы верстах в 15 от поста Новгородского, успешно занимаются огородничеством, земледелием и обещают по своему трудолюбию быть вполне полезными хозяевами. Это заявление породило во мне желание увидеть быт этих переселенцев на месте их жительства, и я отправился в падь Тизирах, где они поселены. Действительно, нашел 8 фанз, очень чисто отстроенных; большие хорошо устроенные огороды, земли, засеянные будой, ячменем, гречихой и кукурузой до 15 десятин. Такие результаты труда, произведенные менее чем в один год, обещают действительную пользу для края от подобных переселенцев, и посему я считаю своим долгом донести об этом до сведения вашего превосходительства, тем более, что по словам поручика Резанова, около 100 семейств изъявили желание поселиться на наших землях, но опасаются выдачи обратно в Корею, где они по существующим там законам за выселение будут подвергнуты смертной казни. При этом считаю не лишним присовокупить, что при заселении корейцев на наших землях особенных расходов на них не предвидится, они имеют довольно значительное число рабочего скота, все земледельческие орудия и, если потребуют помощи, то только в выдачи им до первого урожая заимообразно на пропитание буды, которую довольно дешево можно приобрести от маньчжур в пограничном городе Хунчун, для того же чтобы приохотить корейцев сеять рожь, ярицу и овес, достаточно будет дать им бесплатно на первый раз семена”¹².

Н.М. Пржевальский, путешествовавший по Уссурийскому краю в 1867–1869 гг., отмечал, что д. Тызень-хэ (которую он, очевидно, посетил в конце 1897 г.) была расположена по берегам р. Тызень-хэ, в 18 верстах от Новгородской гавани, и, по его свидетельству, деревня имела также русское название *Рязановка*. Н.М. Пржевальский отметил, что в ней проживало 1396 человек (781 мужчин и 615 женщин). Пробыв в д. Тизинхэ два дня, ученый собрал здесь уникальный этнографический материал. Он отметил, что в домашнем быту корейцы называли себя *каули*.

Каули – испорченное произношение китайского слова *гаоли*. Гаоли, в свою очередь, – китайское наименование Кореи и корейцев. По-корейски термин “гаоли” звучит как *корё* и восходит к названию средневекового корейского государства Корё (918–1392). К наименованию этого государства восходит *корё сарам* (“люди [страны] Корё”) – один из этнонимов корейцев вообще и наиболее распространенный и даже общепринятый этноним российских корейцев.

Во время посещения д. Тизинхэ Н.М. Пржевальскому довелось быть свидетелем корейского поминального обряда. В его подробном описании обращает на себя внимание упоминание о нескольких выделанных собачьих шкурах, которые были разостланы во дворе, прямо на земле. “Два, три человека, присутствующих, поочередно, ложились ниц на эти шкуры и что-то бормотали шепотом. В то же время двое сыновей умершей матери, по которой совершались сами поминки, стояли подле лежавших и напевали самым плачевным голосом. Полежав минуты три, гости вставали, заменяясь новыми...”¹³.

Сообщает Н.М. Пржевальский и о первых корейцах, проживавших в д. Тизинхэ, обращенных в православие (1865 г.) Среди них был и староста деревни Цуи-ун-кыги (Чхве Унгык), который после крещения стал именоваться Петр Семенов, по имени и отчеству своего крестного отца – одного из русских офицеров. “Этот старшина, – писал Н.М. Пржевальский, – пожилой человек 48 лет, умеет, хотя и плохо, говорить по-русски и кроме корейского языка знает немного по-китайски. Ходит он в рус-

ском сюртуке, обстрижен по-русски, и даже при своей фанзе выстроил большую русскую избу. Любознательность этого человека так велика, что он несколько раз высказывал мне свое желание побывать в Москве и Петербурге, чтобы посмотреть эти города”¹⁴.

В 1868 г. в д. Тизинхэ по инициативе русской администрации была создана первая школа для корейских детей. Предыстория создания школы относится к 1866 г., о чем свидетельствует “Записка генерал-губернатора Восточной Сибири М.С. Карсакова о выделении средств на создание школы для корейцев, направленная военному губернатору Приморской области” от 30 августа 1866 г. В записке говорится: “В бытность мою, вместе с вашим превосходительством, в гавани Посьета вы выразили мне свое намерение об учреждении в этой гавани особой школы для обучения русскому языку детей переселившихся к нам корейцев.

Вполне сочувствуя этой полезной цели, я имею честь препроводить при сем к вашему превосходительству на первоначальные расходы по учреждению школы из экстраординарной суммы сто рублей серебром, покорнейше прося о получении их меня уведомить”¹⁵. Осенью 1866 г. для обустройства школы в Тизинхэ были приобретены на 100 руб. ученические принадлежности: 29 азбук, 10 аспидных досок, 9 прописей, 50 карандашей, 3 пачки грифелей, 20 перьев и 10 линейек. Однако из-за отсутствия учителя открытие школы задержалось, и она начала работать только в 1868 г. В школу записалось 20 корейских мальчиков¹⁶.

Так было положено начало русской школе среди корейского населения¹⁷.

С 1880 по 1884 г. д. Тизинхэ стала центром Тизихинской вол. После 1884 г. она вошла в состав Янчихинской вол. В 1891–1893 гг. деревню через 30 лет после ее основания посетил русский путешественник Д.И. Шрейдер, оставивший интересные этнографические зарисовки¹⁸. Как и многие другие авторы, он обратил особое внимание на ухоженность корейских полей: “Это – Тизин-хэ, одна из самых старых в крае корейских деревень. Еще не доезжая ее двух–трех верст, нам уже приходится ехать мимо прекрасно обработанных и выхоленных полей, представляющих собой чрезвычайно отрадное и приятное для глаз зрелище... ровные и стройные ряды культурных злаков, без малейшего признака сорных трав...” И далее: “корейцы... тщательно вырывают каждый лепесток сорной травы, полют, окучивают всходы, отваливают от растений землю...”¹⁹. Отмечая разбросанность корейских жилищ среди полей, Д.И. Шрейдер подметил, что центральную часть д. Тизинхэ составляла довольно широкая – единственная – улица, вдоль которой стояли дома наиболее богатых корейцев, а в центре находилась четырехугольная в плане усадьба корейского старшины²⁰.

Со временем вокруг деревни образовались выселки: Верхняя Тизинхэ (корейское название – *Самкори*), Средняя Тизинхэ, Нижняя Тизинхэ (корейские названия – *Самсой*, *Кансой*), Качэги, Секетуй, Цафукау, Пуксахой, Барановка, на Гладкой. Мы видим среди этих топонимов (или микротопонимов) гибридные наименования: Верхняя, Средняя, Нижняя Тизинхэ, Верхнее и Среднее Чапигоу. Подобные названия были характерны для возникавшей топонимии корейских поселений, так как они отражали характер расселения корейских семей в долинах рек Южно-Уссурийского края.

Заслуженный профессор МГУ Михаил Николаевич Пак (уроженец д. Нижняя Янчихэ) в беседе с нами припомнил о существовании среди корейцев Приморского края следующих выражений: *санбёри*, *чунбёри*, *хабёри* (верхняя отдельная, средняя отдельная, нижняя отдельная [деревня])²¹. К этому же топонимическому ряду (нижняя–средняя–верхняя) относятся и топонимы-гибриды *Верхнее* и *Среднее Чапигоу*; сам топоним *Чапигоу*, очевидно, китайского происхождения, четко проявляется китайский географический термин – *гоу* (“долина”). Названия большинства выселков восходили к корейской лексике. Например, этимология топонима *Самкори* может быть понята из корейского языка как “три поля”: *сам* (корейск. “три”), *гори/гор/голь/коль* (корейск. “долина, “лощина, “ущелье”, “берег”, “поле”, “борозда”). *Коль (голь)* – один из

наиболее употребительных географических терминов в собственно корейской топонимии²². Можно предположить, что микротопоним *Качэги* – восходил к термину *кольччаги* – “ущелье”, “долина”, “овраг”, “горное селение”²³ и, следовательно, может быть этимологизирован как “Горное селение”, “горная деревня”.

Янчихэ (*Янчи-хэ*) – одна из старинных корейских деревень, основанная выходцами из Кореи в 1867 г. Название восходит к гидрониму, очевидно, китайского происхождения; четко выделяется китайский географический термин *хэ* – “река”. Река Янчихэ впадает в бухту Экспедиции. Примечательно, что на карте, приложенной к книге Н.М. Пржевальского (1866 г.), недалеко от места будущей корейской д. Янчихэ был обозначен пограничный пост *Янчихэ*. Корейцы называли Янчихэ-Ёнчху (по сообщению М.Н. Пака) – это наименование восходило к корейскому чтению китайских иероглифов, которыми был обозначен гидроним и топоним *Янчихэ*.

По данным Н.М. Пржевальского, поселение Янчихэ было расположено в 14 верстах от Новгородской гавани; в нем в конце 1867 г. проживали 370 человек (200 мужчин и 170 женщин)²⁴.

С самого начала д. Янчихэ стала делиться на *Верхнюю* (корейск. *Сан Ёнчху*) и *Нижнюю Янчихэ* (корейск. *Ха Ёнчху*). С возникновением д. Верхняя Янчихэ основная д. Янчихэ стала называться Нижняя Янчихэ.

Жители деревни выращивали чумизу и бобы, а также картофель²⁵. В 1907 г. жители д. Янчихэ (Нижняя Янчихэ) попытались посеять суходольный рис на площади в четверть десятины и получили хороший урожай. В 1908 г. в долине р. Янчихэ суходольным рисом было засеяно уже 40 десятин. Постепенно посевы риса стали распространяться в Южно-Уссурийском крае²⁶.

Согласно архивным материалам, которые приводит А.И. Петров, в 1873 г. в д. Янчихэ открылась русская школа (вторая после школы в д. Тизинхэ). Полковник Черняев по приказанию генерал-губернатора Восточной Сибири генерал-лейтенанта Михаила Семеновича Корсакова (1862–1871) выделил на устройство школы в д. Янчихэ 370 руб. Учителем этой школы стал кореец Качай, получивший воспитание в семье полковника Гельмерсена²⁷. В 1881 г. в д. Нижняя Янчихэ была построена православная церковь во имя св. Филиппа митрополита Московского и св. Иннокентия Иркутского.

В начале 90-х годов XIX столетия в д. Янчихэ работал русский ученый агроном Н.А. Крюков, изучавший корейскую культуру и традиционную сельскохозяйственную деятельность корейцев²⁸.

В 1884 г. была образована Янчихинская вол. В ее состав вошли 22 корейские деревни. Правление волости находилось в д. Нижняя Янчихэ, а пристав – в поселении Новокиевском (основано русскими в 1867 г.)²⁹.

В 1893 г. старшиной Янчихинской вол. был избран выдающийся общественный деятель, просветитель, активный участник национально-освободительной борьбы корейцев против японцев Петр Семенович Цой (Зя Хен, Чхве Джэхён) (1860–1920)³⁰. В 1894 г. его делегировали в Москву для участия в работе 1-го Всероссийского съезда волостных старост. На съезде он встретился с императором Александром III.

В 1896 г. в Санкт-Петербурге и Москве П.С. Цой присутствовал на торжествах по случаю коронации императора Николая II. В 1913 г. во главе делегации корейцев Приморья он участвовал в Санкт-Петербурге в праздновании 300-летия Дома Романовых. За огромную просветительскую деятельность и заслуги в деле обустройства российских корейцев царское правительство наградило П.С. Цоя тремя серебряными и одной золотой медалями³¹.

В январе 1914 г. он в качестве председателя возглавил Комитет по устройству празднования 50-летия со времени начала переселения корейцев в Приамурский край³².

К началу XX в. благодаря прежде всего стараниям П.С. Цоя Янчихэ (Нижняя Янчихэ) фактически превратилась в столицу корейцев Посьетского участка. Из мемуа-

Петр Семенович Цой (1860–1920) (*справа*), его брат Алексей Семенович Цой (*слева*) и племянник Лев Цой (*стоит*). Владивосток, 1914 г. Фото из семейного архива В.В. Цоя

ров Валентина Петровича Цоя – сына Петра Семеновича Цоя – известно, что, будучи старшиной Янчихинской вол., П.С. Цой уделял много внимания благоустройству корейских и русских деревень и сел. По его инициативе проводилось озеленение поселений, высаживались декоративные и плодовые деревья. Причем для создания садов и парков в течение ряда лет завозились плодово-ягодные саженцы из Крыма и с Кавказа. Такие парки были созданы в с. Новокиевске и с. Славянка. На каждом приусадебном участке закладывался сад: выращивали малину, землянику, смородину, крыжовник. Развивалось пчеловодство³³.

Яркое описание Янчихэ (Нижняя Янчихэ) оставил русский православный миссионер епископ Хрисанф (Х.П. Щетковский), посетивший деревню в марте 1904 г. “При въезде в Янчихэ, – писал он, – меня приятно поразил целый ряд прекрасных кирпичных домов и затем небольшая церковь, утопающая в зелени окружающих ее деревьев. Кирпичные дома были не что иное, как школы разных типов и наименований; здесь есть министерская мужская двухклассная школа, женская церковно-приходская, ремесленная школа, дом с квартирами для учителей и дом для священника. Все постройки прочны, удобны и поместительны. Все это сделано стараниями старшины Янчихэнской волости Цоя. Старшина Цой довольно представительный кореец; человек довольно умный, энергичный и с большим дипломатическим тактом”³⁴.

Значительную роль в национально-освободительной борьбе корейского народа против японских поработителей сыграли многие жители д. Янчихэ и других корейских поселений. В д. Нижняя Янчихэ многократно бывал герой национально-осво-

бодительной борьбы Ан Джунгын. В 1906 г. старшина Янчихинской вол. П.С. Цой создал первые корейские партизанские отряды Ыйбён (“Армия независимости”). С этого времени и до конца жизни (1920 г.) он вел подпольную антияпонскую деятельность. Многие корейцы участвовали в борьбе за установление советской власти на Дальнем Востоке.

Верхняя Янчихэ – старинная корейская деревня, основанная в 1867 г. выходцами из Кореи. Корейское название деревни *Сан Ёнчху* (по сообщению М.Н. Пака). Согласно воспоминаниям С.П. Югая, д. Верхняя Янчихэ была основана его прадедом Ю (Юк) (родился в Корее в 1837 г.). Приведем фрагмент из этого воспоминания: “Говорили, что прадед довольно хорошо разговаривал на корейском, китайском, японском языках, а также мог изъясняться по-русски. В 1867 году прадед вместе с шестью корейскими семьями и сезонными рабочими на шхуне прибывает в Посъет, где русские семьи можно было пересчитать на пальцах. С согласия начальника погранзаставы прадед находит в 20–25 километрах от Посъета (вверх по р. Янчихэ. – Р.Д.) пристанище и приступает к освоению лесных неугодий. Создается пашня. Так в 1867 году появляется новая деревня в Посъетском районе под названием Верхняя Янчихэ”³⁵.

Жители деревни выращивали зерновые и бобовые культуры, разводили птицу, занимались пчеловодством. Со временем в деревне были созданы корейские, корейско-русские и русские школы.

Основатель деревни умер в 1908 г. и был похоронен у д. Верхняя Янчихэ³⁶.

Со временем вокруг деревень Нижняя и Верхняя Янчихэ возникло и существовало немало выселков: Дарицени, Паксекори, Пунктоя, Сантая, Сенгечи, Тамбогатоя, Тайменкори, Тампанги, Тангельды, Тунзакори и др.³⁷. В названиях Паксекори, Тайменкори, Тунзакори можно выделить корейский географический термин *кори/коль/голь* – “ущелье”, “долина”, “овраг”, “горное селение”, а в названиях – Сантая Пунктоя, Тамбогатоя – географический термин *я* – “равнина”, “поле”³⁸. По мнению А.В. Загоруйко, микротопоним Паксекори можно этимологизировать из корейского языка: Паксекори/Пак-сси-коль – “горное селение (долина), принадлежащее господину Паку”³⁹.

Сидими (*Седими, Сидими, Сидеми*) – одна из старинных корейских деревень, основанная выходцами из Кореи на р. Сидими. Название поселения восходит к гидрониму китайского или маньчжурского происхождения. Как известно, Н.М. Пржевальский в сочинении “Путешествие в Уссурийском крае, 1867–1869 гг.” упоминал три корейские деревни: Тизинхэ (Тызен-хэ), Янчихэ (Янчи-хэ) и Сидими. Касаясь происхождения их названий, он отмечал, что они восходят к наименованию рек, на которых были расположены деревни: “Дер. Тызен-хэ лежит в 18 верстах от Новгородской гавани в заливе Посъета; Янчи-хэ – в 14 верстах от той же гавани, а Сидими в 80 верстах севернее ее. *Все три деревни расположены по берегу реки того же имени* (курсив мой. – Р.Д.)”⁴⁰.

Примечательно, что на “Карте Уссурийского края”, приложенной к сочинению Н.М. Пржевальского и составленной в 1866 г., д. Сидими обозначена как “Корейская деревня”. В 1867–1869 гг. Н.М. Пржевальский писал, что на р. Сидеми лежит небольшая корейская деревня, в которой проживало 35 человек (14 мужчин и 21 женщина)⁴¹.

С появлением выселка Верхняя Сидими д. Сидими стала именоваться как Нижняя Сидими. Вначале жители этой деревни жили зажиточно. Они выращивали овес и на шаландах и шлюпках отправляли его во Владивосток⁴².

Верхняя Сидими (*Верхняя Сидими*) – корейская деревня, выросшая вверх по течению р. Сидими, недалеко от д. Нижняя Сидими. На карте, приложенной к книге П.Ф. Унтербергера “Приморская область 1856–1898. Очерк” (СПб., 1900), это селение обозначено как “Сидими (выселки)”. Жители д. Верхняя Сидими выращивали овес и продавали его в соседние селения⁴³.

В бассейне р. Сидими в начале XX в. возникло несколько выселков: Намкачэги, Пуккачэги, Хэдими, Чученгоу⁴⁴. Этимологию микротопонимов Намкачэги и Пуккачэги можно объяснить из корейского языка: *Намкачэги/Нам* (“юг”, “южный”) + *кольччаги*: “Южная долина”, “Южная горная деревня”; *Пуккачэги/Пук* (“север”, “северный”) + *кольччаги*: “Северная долина”, “Северная горная деревня”. Микротопонимы *Хэдими* и *Чученгоу* – очевидно, китайского происхождения; в топониме *Чученгоу* – четко прослеживается китайский географический термин *гоу* – “долина”.

Красное село – поселение, основанное в 1875 г. (по другим данным, в 1880 г.) в долине р. Туманган, в 75 верстах от Новокиевского выходцами из Кореи и старожилами из корейской деревень Тизинхэ и Янчихэ. Топоним русского происхождения с ясной этимологией: *Красное* в значении “красивое”. Очевидно, наименование села было связано с названием близлежащей русской воинской заставы – Красносельская; бытовал русский микротопоним – Красносельская переправа. В литературе существует указание на то, что Красное село по-корейски называлось *Доктуи*⁴⁵. Возможно, этот топоним восходил к названию Ток-тун-и (*ток* – “добродетель”, “добродетельный”; *тун* – “деревня”), и тогда его этимология означала “Добродетельная деревня”. Если данное предположение верно, то корейское название было почти буквальным переводом русского наименования.

Земля здесь была песчаной и давала невысокий урожай. Помимо хлебопашества крестьяне занимались прибрежным ловом (рыба, крабы, устрицы). В селе имелась солеварня. В 1897 г. в данном населенном пункте проживало 840 человек⁴⁶. С 1884 г. село входило в Янчихинскую вол. В 1898 г. сюда в составе русской географической экспедиции приезжал писатель Н.Г. Гарин-Михайловский. В его дневнике сохранилась следующая запись: “Сегодня [10 сентября 1898 г.] наконец, половина пятого вечера выступаем и мы из Новокиевска на границу Кореи (Красное Село)... Уже попадаются корейские фанзы, с их плоскими камышовыми крышами, покрытыми веревочной сеткой, с их отдельно стоящими, высокими деревянными трубами, их бумажными окнами и дверями. Но все это там, внутри двора, а снаружи только глухая стена, и спрятал кореец за ней и себя, и семью, и свои обычаи. Всё это пока тайна для нас и очень интересная. Около каждой фанзы, громадная в рост всадника, конопля, гаолян. Гаолян – род крупного проса, на вид очень похожий на наш камыш”⁴⁷.

Красное село обозначено на карте Приморской области 1908 г. Со временем вокруг него возникло немало выселков.

Нагорная (*Нагорное*) – корейская деревня, основанная одновременно с Красным селом в 1875 г. Свое название получила в 1889 г.⁴⁸ Топоним русского происхождения с ясной этимологией. Деревня находилась в долине р. Туманган, недалеко от границы. Показана на карте Приморской области 1908 г. Входила в состав Янчихинской вол. Весной 1904 г. ее посетил русский миссионер епископ Хрисанф (Х.П. Щетковский).

Подгорная (*Подгорская*) – корейская деревня в бассейне р. Туманган. Топоним русского происхождения с ясной этимологией. Деревня находилась недалеко от д. Нагорная⁴⁹. В сентябре 1898 г. деревню посетил Н.Г. Гарин-Михайловский. В своих дневниковых записях он обозначил ее как Подгорская. Писатель побывал в местной школе и встречался с корейским учителем: “Я был в школе деревни Подгорской. И учитель, и ученики – корейцы... Дети усердны, и все поразительные каллиграфы. И к остальным наукам, впрочем, корейцы очень способны. Здание школы просторное и светлое. Школа устроена в этом году”⁵⁰. О д. Подгорная сохранились и записи епископа Хрисанфа, который приезжал сюда весной 1904 г. Посетив местную школу, он также отметил, что учителем здесь был “кореец средних лет, окончивший курс в Янчихинской двухклассной министерской школе”⁵¹.

Заречье (*Заречное*) – корейская деревня, основанная в 1880 г. в долине р. Озерная, как полагают, выходцами из поселений Тизинхэ и Янчихэ, а также корейскими

переселенцами из Китая. Русская этимология названия очевидна. В начале XX в. было известно и корейское название деревни – Понсой⁵².

Сначала деревня состояла из восьми фанз, а затем разрослась. Крестьяне сеяли овес. Долина р. Озерная изобиловала фазанами и водоплавающими птицами, на которых охотились местные жители. В 1884 г. деревня вошла в состав Янчихинской вол., и в 1890 г. в ней проживало 225 человек. На карте Приморской области 1908 г. Заречье обозначено недалеко от русско-корейской границы. В 1898 г. деревню посетил Н.Г. Гарин-Михайловский, в дневнике которого сохранилось прекрасное описание корейцев, их традиционного жилища, хозяйства, быта⁵³. В 1904 г. в Заречье приезжал епископ Хрисанф, который с большой теплотой отзывался об этой корейской деревне, в частности о построенных тут школе и православной церкви⁵⁴.

Новая деревня – корейская деревня, основанная в 1878 г. выходцами из деревень Тизинхэ и Янчихэ. Располагалась в 2 верстах от русско-китайской границы, в долине р. Чурихэ. Корейцы называли Новую деревню Чурихэ⁵⁵ (топоним восходит к маньчжурскому или китайскому гидрониму). Здесь жители занимались земледелием. Новая деревня, обозначенная на карте Приморской области 1908 г., входила в состав Янчихинской вол.

Фаташи – одна из старинных корейских деревень, основанная по одним данным в 1867 г., по другим – в 1871 г., выходцами из д. Янчихэ и из Кореи. Название восходит к гидрониму Фаташи (иногда пишут Фатахэ⁵⁶), возможно, китайского или маньчжурского происхождения. Корейцы называли деревню *Патусу* (по сообщению М.Н. Пака). Она находилась в 8 верстах от поселения Новокиевское. Существовали три части этой деревни: Верхняя, Средняя и Нижняя Фаташи. Первоначально она была малонаселенной: в 1879 г. в ней насчитывалось лишь 29 дворов⁵⁷. С 1884 г. входила в Янчихинскую вол.

В советское время (1925 г.) журналист Эндин в газете “Красное знамя” писал о ней: “Фаташи – большая деревня, 250 дворов. Население исключительно корейское”. Он также отмечал, что в этой деревне имеются клуб, пионерский отряд и животноводство⁵⁸.

Барановка – корейская деревня, основанная в долине р. Барановка по одним данным в 1867 г., по другим – в 1869 г., выходцами из Кореи. Возможно, русские гидроним и топоним Барановка имели отантропонимическое происхождение. Первоначально деревня включала 20 домов (фанз). Она располагалась в 10 верстах от сел. Новокиевское. Жители сеяли зерновые, занимались огородничеством. Помимо хлеба для собственного потребления они выращивали овес и капусту на продажу⁵⁹. В 1884 г. Барановка вошла в состав Янчихинской вол. Она обозначена на карте Приморской области 1908 г.

Крабе (*Краббе*) – корейская деревня, возникшая в 1882 г. Топоним имеет отантропонимическое происхождение: название дано в честь адмирала Николая Карловича Краббе (1814–1876), который с 1862 г. управлял Морским министерством⁶⁰. Жители деревни занимались хлебопашеством, ловлей трепангов и разгрузкой пароходов⁶¹. Деревня входила в состав Янчихинской вол. и обозначена на карте Приморской области 1908 г.

Кедровая Падь – одно из старинных корейских поселений, появившееся в 1867 г. Название, очевидно, восходит к названию ручья Кедровая Падь. Этимология прозрачна. Деревня располагалась на берегу Амурского залива и делилась на две части: одна (около 20 дворов-фанз) имела русское название – Сухоречье и корейское Панчэмог, другая – русское Кедровая Падь и корейское Цимухэ (топоним восходит к гидрониму маньчжурского или китайского происхождения). Через деревню прогоняли в Россию скот из Маньчжурии и Кореи. Жители занимались хлебопашеством и овощеводством. Овощи поставлялись на продажу во Владивосток⁶².

В начале XX в. деревня Кедровая Падь входила в Адиминскую вол. и обозначена на карте Приморской области 1908 г.

Брусье – корейская деревня, основанная в 1878 г. (по другим данным, в 1889 г.) выходцами из Кореи и частично старожилами д. Тизинхэ. Деревня была расположена в долине р. Брусье. Этимология гидронима и топонима неясны. В начале XX в. д. Брусье входила в состав Адиминской вол. и обозначена на карте Приморской области 1908 г.

Клерк (*Клерки*) – корейская деревня, возникшая в 1884 г. Название (этимология его неясна), очевидно, восходит к названию полуострова Клерки, на мысу которого она располагалась. Поля крестьян находились на склонах холмов и гор. Местные жители сеяли овес и выращивали картофель. Деревня принадлежала к Адиминской вол.

Песчаная – корейская деревня, основанная в 1884 г. старожилами д. Адими и новыми переселенцами из Кореи. Топоним имеет прозрачную этимологию. Деревня была расположена вдоль почтового тракта.

Жители занимались хлебопашеством, рубкой леса, добычей соли. В деревне, принадлежавшей к Адиминской вол., имелись солеварни и кузница⁶³. Выселки деревни Песчаная – Большие и Малые Сапеги – были расположены ближе к берегу залива Петра Великого.

Рязановка (*Рязаново*) – корейская деревня, которую в 1880 г. основали выходцы из корейских деревень Тизинхэ и Янчихэ, а также переселенцы из Кореи. Название восходит к русскому гидрониму – р. Рязановка. В 1888 г. в деревне насчитывалось 18 дворов. Существовали Нижняя и Верхняя Рязановка. В начале XX в. д. Рязановка входила в Адиминскую вол. Деревня обозначена на карте Приморской области 1908 г.

Сухановка (*Суханово*) – корейская деревня, основанная в 1885 г. старожилами д. Адими и новыми переселенцами из Кореи. Топоним имеет отантропонимическое происхождение. Считается, что он восходит к русской фамилии станового пристава Суханова. Деревня лежала в начале тракта от Посьета в с. Раздольное. Дома располагались по двум берегам р. Мохихэцзы (русское название реки – Гладкая). Местные жители занимались хлебопашеством, сеяли чумизу и овес, 80% урожая которых шло на продажу⁶⁴. Деревня обозначена на карте Приморской области 1908 г.

Адими (*Адеми*) – корейская деревня, которую в 1872 г. основали выходцы из Кореи на берегу р. Адими, в 10–12 верстах от устья реки. Название деревни восходит к гидрониму маньчжурского происхождения. В 1879 г. в Адими проживало 163 человека. Деревня обозначена на карте Уссурийского края 1897 г., приложенной к книге Д.И. Шрейдера “Наш Дальний Восток” (1897), как “д. Адими”. Со временем в ней были построены часовня и школа⁶⁵.

Деревня Адими делилась на Верхнюю и Нижнюю Адими. В 1897 г. в д. Верхняя Адими проживало 273 человека (152 мужчин и 121 женщин), а в д. Нижняя Адими – 280 человек (141 мужчина и 139 женщин)⁶⁶. В 1900 г. была создана Адиминская вол. В апреле 1900 г. в д. Нижняя Адими заложили церковь во имя св. Николая Чудотворца и св. Царицы Александры. Как отмечал иеромонах Павел (Ивановский), церковь была построена “исключительно на средства корейцев и стоила им 13 708 руб. Храм этот поместительный. Каменный, лучший во всем Посьетском участке. Над постройкой храма немало потрудились иеромонах Власий”⁶⁷.

Мангутай (*Монгутай*), *Нижняя Мангутай* (*Нижняя Монгутай*), *Верхняя Мангутай* (*Верхняя Монгутай*) – корейские деревни на р. Мангутай. О времени возникновения д. Мангутай существуют разноречивые данные. Так, в архивном документе “Прошение корейских подданных, проживающих в местности Верхний Мангутай” от 27 сентября 1897 г.⁶⁸ сообщалось, что поселение Мангутай (позднее – Нижний Мангутай) возникло благодаря 22 корейским семьям, переселившимся сюда в 1869 г. Часть семей обосновалась здесь в 1882 г. В литературе упоминается также и 1885 г. как год возникновения деревни⁶⁹. В 1890 г. появилась д. Верхняя Мангутай. В “Прошении корейских подданных” так объяснялось возникновение этой деревни: «В 1890 г. вследствие поселения вблизи занятого нами места прибывших из России крестьян-переселенцев и за недостатком пахотной земли от нас была отрезана для них боль-

шая часть распаханной нами земли и в то же время бывшим тогда приставом Посьетского участка г. Михайловским нам было указано новое место для поселения, так называемый “Верхний Мангутай”, куда мы и переселились, продолжая заниматься тем же трудом»⁷⁰.

Гидроним и топоним Мангутай (Монгутай), возможно, восходят или к маньчжурскому, или к китайскому языкам. Этимология неясна. Наименования Нижняя Мангутай и Верхняя Мангутай – топонимы-гибриды. Основным занятием корейцев было хлебопашество. В 1899 г. деревни принадлежали к Раздольнической вол. В д. Нижняя Мангутай проживало 63 семьи⁷¹. Деревни Нижняя Мангутай (Монгутай) и Верхняя Мангутай (Монгутай) обозначены на карте Приморской области 1908.

Амбабира (*Амба-бира*) – корейская деревня, располагавшаяся на р. Амбабира. Название ее восходит к гидрониму. Возможна этимология из тунгусо-маньчжурских языков: “Тигровая река”.

В конце XIX – начале XX в. наряду с русскими переселенцами корейцы проживали и в других деревнях Посьетского участка, например, в селениях Славянка, Барабаш, Занадворовка. Начиная с конца 60-х годов XIX в. корейские поселения возникают в бассейне р. Суйфун (ныне р. Раздольная), на реках Лefу и Даубихэ (Сучанский участок).

Пуциловка (*Пуциловская, Пуциловка, Пуцьловка*) – корейское село, возникшее в бассейне р. Суйфун в 1869–1870 гг. и принадлежавшее к Суйфунскому участку. Сохранилось историческое предание, повествующее о появлении этого названия. Оно имеет отантропонимическое происхождение и восходит к фамилии русского ученого, создателя первого русско-корейского словаря (“Опыт русско-корейского словаря”. СПб., 1874) и государственного чиновника Михаила Петровича Пуцилло (1845–1889). По образованию он был историком. Находясь на службе в канцелярии генерал-губернатора Восточной Сибири, он вместе с некоторыми ссыльными учеными-естественниками принимал участие в ряде научных экспедиций. В 1870–1871 гг. М.П. Пуцилло направили чиновником по особым поручениям для организации пропитания, обустройства и оказания помощи голодавшим корейцам в бассейне р. Суйфун. Потрясенный положением местных жителей М.П. Пуцилло истратил на них все имевшиеся у него деньги, в том числе государственные. В знак признательности за помощь и поддержку корейцы установили в его честь два памятника или, вернее, две стелы с благодарственными надписями: “Капитан Михайло Иваныч Пуцилло. За любовь и справедливость к корейскому народу”. Кроме того, одна из корейских деревень в этом районе названа Пуциловской⁷². О деятельности М.П. Пуцилло по оказанию помощи переселявшимся корейцам сохранилась интересная запись известного русского китаевода, начальника Пекинской духовной миссии П.И. Кафарова, который в августе 1870 г. находился в этнографической экспедиции в Южно-Уссурийском крае. П.И. Кафаров писал: “Партии корейцев постоянно подходят сюда (имеется ввиду с. Никольское, из которого переселенные из более южных районов корейцы расселялись по р. Суйфун. – *Р.Д.*); расселением их в Ханкайском округе заведует г. Пуцилло, молодой энергичный и благонамеренный чиновник”⁷³.

Об этнографических и лингвистических материалах, собранных среди корейского населения, М.П. Пуцилло доложил на одном из заседаний Императорского русского географического общества. Эти же материалы легли в основу составленного им словаря “Опыт русско-корейского словаря” (СПб., 1874).

В предисловии к словарю М.П. Пуцилло особо подчеркнул, что огромную помощь в работе ему оказал знаток русского языка крещеный кореец Николай Михайлович Лян. Как отмечает Л.Р. Концевич, лингвистическая ценность словаря “стоит в том, что в нем отражена лексика и фонетика северо-восточных диалектов живого корейского языка второй половины XIX в., на котором говорили корейцы Приморского края, в основном выходцы из двух северных провинций Кореи (Хамгён и Пхёнан)”⁷⁴.

В 1870 г. в селе проживало 490 человек. Жизнь корейских крестьян через два–три года упорного труда на новом месте улучшилась. В письмах к родным, оставшимся в Корее, жители Пуциловки писали, что “жизнь здесь для них во всех отношениях очень хороша: хлеба вдоволь, русское правительство помогает им, охраняет, приняло их с любовью как свой родной народ, дало им во владение плодородную землю, а потому не мешало бы и другим корейцам переселяться в здешний край”⁷⁵.

В 1889 г. в селе была построена церковь во имя Иоанна Предтечи. Пуциловка, в которой в 1891 г. насчитывалось 210 дворов, показана на карте Уссурийского края, приложенной в книге Д.И. Шрейдера (1897), а также на карте Приморской области 1908 г.

Уже в советское время, а точнее – в 1925 г., село посетил журналист, писавший под псевдонимом Селькор Работящий. В газете “Дальневосточный путь” он сообщал, что Пуциловка – одно из самых больших сел, населенных корейцами. В центре села, писал он, находится большое кирпичное здание школы, вокруг которого располагается несколько “частных кирпичных маленьких домиков” и “целый букет” домов, окруженных садами, в которых помещаются сельсовет, изба-читальня, врачебный пункт. “Трудолюбивая корейская деревушка”, по словам автора статьи, имела 300 дворов, жители которых обрабатывали 13 тыс. дес. земли. Благодаря построенной крестьянами ирригационной системе вода из горных потоков поднималась по каналам вверх. “Всюду, куда не кинешь взгляд, – замечал журналист, – сплошные поля”, на которых крестьяне выращивали помимо всего прочего чумизу и бобы⁷⁶.

В с. Пуциловка родились некоторые видные деятели русской, советской культуры, например, академик АН СССР Максим Павлович Ким (1908–1996)⁷⁷, а также востоковед-корейст Иннокентий Иванович Хван (Хван Донмин, Хван Дон Мин)⁷⁸.

Кроуновка (*Крауновка*) – корейская деревня, основанная в 1869 г. в бассейне р. Суйфун, с 1899 г. относилась к Борисовской вол. Наименование имеет отантропонимическое происхождение и восходит к фамилии Александра Егоровича Кроуна (1823–1900) – вице-адмирала, военного губернатора Приморской области в 1871–1875 гг.⁷⁹ Как военный губернатор он принимал непосредственное участие в обустройстве корейцев в России⁸⁰.

В д. Кроуновка, которая показана на карте Уссурийского края, приложенной в книге Д.И. Шрейдера (1897), и на карте Приморской области 1908 г., насчитывалось в 1891 г. 109 дворов. В 1888 г. здесь была построена часовня с алтарем.

Корсаковка (*Корсаковское*) – корейское село, возникшее в 1869 г. в бассейне р. Суйфун, с 1899 г. принадлежало к Борисовской вол. Название отантропонимического происхождения восходит к фамилии государственного деятеля генерал-лейтенанта Михаила Семеновича Корсакова (1826–1871), который в 1862–1871 гг. являлся генерал-губернатором Восточной Сибири⁸¹. Его именем был назван также пост Корсаковский. В 1870 г. в селе построили часовню во имя св. Иннокентия Иркутского (упразднена в 1887 г.), а 17 октября 1888 г. освятили построенную церковь во имя того же святого. В ознаменование этого события в Корсаковке установили не сохранившийся до наших дней памятник – двухсаженную пирамиду, увенчанную фигурой орла, отлитой из металла. С восточной и западной сторон пирамиды были прикреплены металлические доски с надписями на корейском и русском языках. К сожалению, в литературе оказался зафиксированным только русский вариант надписей. Надпись на “восточной” доске гласила: “Сей памятник сооружен усердием корейцев деревень Корсаковки, Кроуновки, Пуциловки и Синельниковой в память события 17 октября 1888 г.”. На “западной” доске имелась следующая надпись: “На сем месте была первая миссионерская часовня в честь Святого Иннокентия Иркутского, построенная в 1870 г. и упраздненная в 1887 г.”⁸². В 1891–1892 гг. в Корсаковке насчитывалось 192 двора и имелись школа, церковь, миссионерский стан. В 1892 г. было создано Корсаковское волостное правление. Волостным старостой стал Василий Пак⁸³. Корсаковка обозначена на карте Приморской области 1908 г.

Романовка (*Романова, Верхнее Романова, Романовская*) – корейская деревня, основанная в 1867 г. (?) на р. Даубихэ и с 1899 г. входившая в состав Ивановской вол. Происхождение русского наименования деревни неизвестно.

В 1891 г. здесь насчитывалось 14, а в 1899 г. – 23 двора⁸⁴. Крестьяне жили зажиточно, занимались земледелием, выращивая пшеницу, овес, ядрицу, картофель. Важное место отводилось охоте на соболей и белок⁸⁵.

Казакевичево (*Казакевичевка, Казакевичева, Казакевичи, Козакевичи*) – корейская деревня, которую основали 25 семей (101 человек) летом 1870 г. на р. Лефу. В 1871 г. в деревне проживали 147, а в 1891 г. – 1063 человек (34 двора). С 1899 г. она входила в состав Ивановской вол. Название отантропонимического происхождения; восходит к фамилии контр-адмирала Петра Васильевича Казакевича (1816–1887) – первого военного губернатора Приморской области (1856–1865)⁸⁶. Жители д. Казакевичево, обозначенной на карте Приморской области 1908 г., занимались земледелием⁸⁷.

Синельниково (*Синельнико, Синеловка*) – корейская деревня (позднее – село), располагавшаяся по обоим берегам р. Суйфун. Первые корейские семьи появились в этом регионе в 1869–1870 гг. и поселились в 30–40 верстах от с. Никольского. Когда русские переселенцы-казаки основали на р. Суйфун с. Покровку, корейцы переехали на новое место, вверх по р. Суйфун, что в 5 верстах выше Покровки. Как пишет иеромонах Павел (Ивановский) (1904 г.), отселение корейцев произошло, возможно, в связи с “распоряжением майора Нежина, который дал и название образованному корейскому поселку “Синельниково” в честь Иркутского генерал-губернатора Синельникова”⁸⁸. Данное сообщение представляет большой интерес, так как в нем содержится один из вариантов – возможно, самый распространенный – присвоения корейским поселениям русских наименований.

Итак, топоним Синельниково имеет отантропонимическое происхождение и восходит к фамилии генерала от инфантерии, сенатора Николая Петровича Синельникова (1805–1894), занимавшего в 1871–1874 гг. пост генерал-губернатора Восточной Сибири⁸⁹.

В 1879 г. крестьяне с. *Синельниково* одними из первых стали выращивать рис. В начале XX в. местный житель Иван Иосифович Ан положил начало шелководству в Приморской области⁹⁰. В 1889 г. в селе была открыта приходская школа, которую посещали 35 учащихся, а в 1891 г. на средства главным образом корейских крестьян построена и освящена церковь Николая Чудотворца. В 1899 г. в Синельниково проживало 163 семьи⁹¹. В начале XX столетия около этого села появились две деревни – Первая Синельниково и Вторая Синельниково⁹².

Жители с. Синельниково селились, по словам иеромонаха Павла, небольшими “хуторами”, а на самом деле – группами. Причем, как сообщал иеромонах, каждый “хутор” имел собственное наименование. Таким образом, благодаря этому автору мы имеем интересное свидетельство о микропонимии с. Синельниково: на правом берегу это “хутора” Сю-нам-сян-сой, Тошей, Хасой, на левом – Пандилое, Тюнсой, Квансой, Пук-хасой⁹³. Скорее всего все эти микропонимы восходят к корейскому языку. Однако дать перевод и выяснить их этимологию затруднительно. Синельниково, входившее с 1899 г. в состав Покровской волости⁹⁴, обозначено на карте Приморской области 1908 г.

В 1924 г. в семье крестьянина с. Синельниково родился Георгий Федорович Ким (1924–1989) – выдающийся советский ученый-востоковед, член-корреспондент АН СССР⁹⁵.

На территории Суйфунского района (участка, стана) корейцы проживали также в русских селениях Раздольное и Никольская. В 1860–1870-е годы корейские поселения появляются в бассейне р. Сучан (ныне – р. Партизанская) и на близлежащих территориях.

Николаевка – корейская деревня в долине р. Сучан, основанная, очевидно, в 1875 г. Топоним русского происхождения, вероятно, имеет отантропонимический характер.

Г.В. Подставин отмечал в 1914 г., что Николаевка имела и корейское название Син-ён-дон⁹⁶. Этимология корейского топонима неясна, можно лишь выделить географический термин *дон/тон* – “селение”, “деревня”, “квартал”⁹⁷.

В 1890 г. в деревне насчитывался 31 двор. Жители занимались хлебопашеством: выращивали пшеницу, овес, бобы. Развито было огородничество. В поселке имела корейская школа на 10 учащихся. По свидетельству современников, корейцы выражали желание, чтобы их дети учились в русской школе, которая находилась в с. Владимиро-Александровское. “Приамурские ведомости” в 1895 г. писали: “Жители деревни Николаевка, благодаря близости русских деревень и постоянным сношениям с русскими, гораздо более обрусели, чем корейцы Посъетского участка. Многие говорят по-русски, носят русские тулупы, картузы, шапки, имеют ружья. Живут очень зажиточно. Староста Николай Ким хорошо говорит по-русски”⁹⁸. Деревня принадлежала к Сучанской вол. (позднее – Сучанский участок, Сучанский у.). Николаевка была обозначена на карте Приморской обл. 1908 г.

Уже в советское время, а именно в 1925 г., журналист А. Колбин писал о д. Николаевка в газете “Красное знамя”: “Во всю ширь Сучанской долины разбросалась дворами корейская деревня Николаевка. Часть деревни расположена живописно на развалинах Бохайской крепости. Деревня существует уже 50 лет, имеет 180 дворов с населением 600 человек. Среди азиатских культур преобладает рис и мак”. Автор особо отмечает, что в деревне имела корейская школа, в которой выпускалась стенная газета на корейском языке и был создан пионерский отряд. По сообщению журналиста, в Николаевке шло строительство новой школы⁹⁹.

Таудеми (*Таудими*) – корейская деревня (село), основанная в 1890 г. Название восходит к гидрониму, как полагают, китайского происхождения (кит. Та удми – “Большая удми”)¹⁰⁰. (Ныне река называется Новолитовка). Деревня принадлежала к Сучанской вол. И была обозначена на карте Приморской области 1908 г. В 1899 г. в ней проживали 54 семьи¹⁰¹.

...Обратимся к воспоминаниям уроженца с. Таудими Петра Пака, написанные им в 1989 г.: “Однажды я ездил в город Находку. Недалеко от него родился и вырос я. В селе Таудими жили мои родственники и там я учился в семилетней школе. Переехав реку Новолитовку, которая раньше называлась рекой Таудими, через село Новолитовск направились в сторону бывшего села Таудими. Вскоре машина остановилась на том месте, где раньше была семилетняя школа. Мы вышли из машины. С волнением осматриваю местность. Кроме разрушенного фундамента бывшей школы, ничего больше я не обнаружил. Но перед глазами, как в кинофильме проходила школьная жизнь далеких дней, а в ушах звенели голоса многих детских школьных друзей. С добрым чувством вспомнил учителей, которые учили нас. Село Таудими раньше широко было известно среди корейского населения. В период гражданской войны молодые корейцы этого села в количестве около 50 человек и совместно с новолитовским русским партизанским отрядом активно боролись за победу Советской власти... После гражданской войны жители этого села, как и весь советский народ, активно трудились, строя новую жизнь, организовывали колхозы, создавали школы. Выращивали хлеб, проводили политические и культурные мероприятия, учили и воспитывали детей. Словом, люди жили активной жизнью, с большими надеждами.

Однако летом 1937 г. стали происходить непонятные людям события...”¹⁰².

В конце XIX–XX в. корейцы проживали также в русских селениях Шкотово и Владимиро-Александровское. В 1898–1899 гг. им было разрешено селиться по рекам Иману и Хору, в результате чего здесь появилось несколько корейских деревень. Большинство из них имели русские наименования – Лукьяновка, Августовка, Елесосновка, Александро-Михайловка и др.

Благословенное (*Благословенское*) – корейское село в Амурской области, основанное в 1871 г. по решению и благодаря материальному вспомоществованию русской администрации и прежде всего генерал-губернатора Восточной Сибири Нико-

лая Петровица Синельникова (1805–1894)¹⁰³. Русские ученые В.К. Арсеньев и Е.И. Титов излагали историю возникновения с. Благословенного следующим образом: “Голод и глубокоснежная зима принудила их (корейцев в 1869 г. – *Р.Д.*) в числе нескольких тысяч человек оставить свою родину и перейти границу. Корейцы направились к Владивостоку, но на пути были дважды застигнуты пургою, вследствие чего более половины корейцев погибло в дороге. Русские власти приютили их и снабдили продовольствием из интендантских складов, и с наступлением теплого времени направили на Амур, где они образовали село Благословенное”¹⁰⁴. Топоним *Благословенное* – русского происхождения, с ясной этимологией. Для поселения корейцев по Амуру была выбрана местность между станциями Нагибовская и Пузиновская, на р. Самара (Самарка). К началу августа 1871 г. 102 корейских семейства (431 души обоего пола) во главе со старшинами Пак Сэнноком Николаем из села Янчихэ, Пак Тээном и Ти Хадином Михаилом из села Тизинхэ поселились в с. Благословенном¹⁰⁵. Корейцы между собой стали называть село *Самари* (от русского гидронима Самара, или Самарка), а жителей – *самари сарам*, т.е. “люди села Самари”. Со временем этот микрорэтноним стал обозначать наиболее обрусевших корейцев¹⁰⁶.

В начале 90-х годов XIX в. историко-этнографические исследования среди корейцев с. Благословенное проводил А.В. Кириллов. В 1895 г. он опубликовал статью “Корейцы села Благословенного. Историко-этнографические очерк”¹⁰⁷.

В 1891 г. в селе имелось 155 домов, многие из которых были построены по типу русских домов. Вокруг жилищ располагались огороды, а поля находились в отдалении. В селе имелись школа, церковь во имя святого князя Александра Невского, склад продуктов. Жители села приняли православную веру, а в 1894 г. они были приняты в русское подданство¹⁰⁸. Многие старались учить русский язык, воспринимали русские обычаи. В конце XIX в. в селе проживали 1100 человек.

С конца 80-х годов XIX в. корейские поселения появляются и по Амуру.

Осиновка – корейское село в окрестностях г. Хабаровска. Топоним – русский, восходящий к личному имени. В 1891 г. в селе имелось 42 двора, разбросанных в виде отдельных хуторов по правому берегу Амура, по склонам прибрежных гор. В начале XX в. село подчинялось Хабаровскому корейскому городскому управлению¹⁰⁹.

К концу XIX – началу XX в. корейцы проживали также и в больших городах региона – Никольске, Владивостоке, Николаевске, Хабаровске, Благовещенске. Во Владивостоке существовал корейский квартал Синханчхон (“Новая корейская слободка”). В Находке в начале XX в. имелась Корейская улица.

Представляется несомненным, что дальнейшее изучение наименований корейских поселений позволит более полно воссоздать историю российских корейцев, характер русско-корейских этнокультурных контактов, взаимосвязи корейцев с другими народами, проживавшими в тот период на русском Дальнем Востоке.

Примечания

¹ Пак Б.Д. Корейцы в Российской империи (Дальневосточный период). М., 1993. С. 17; Ким Ен Ун. Переселение корейцев в Россию: начало и этапы // Ли Г.Н., Цой А.Д., Чен В.С., Югай Г.А. Энциклопедия корейцев России. 140 лет в России / Под ред. Б. Цой. М., 2003 (далее – Энциклопедия корейцев России). С. 113–118.

² Пак Б.Д. Указ. соч. С. 19–20.

³ Там же.

⁴ Информация комитета по устройству празднования пятидесятилетия переселения корейцев в Приамурский край (7 февраля 1914 г. Владивосток) (документ № 123) // Корейцы на российском Дальнем Востоке. Вторая половина XIX – начало XX в.: Док. и матер. Владивосток. 2002 (далее – Корейцы на российском Дальнем Востоке...). С. 293.

⁵ Пржевальский Н. Путешествие в Уссурийском крае. 1867–1869. СПб., 1870. С. 106.

⁶ Там же. С. 106. Прилож. С. 51.

⁷ Унтербергер П.Ф. Приморская область. 1856–1898. Очерк. СПб., 1900. Прилож. 1а.

⁸ Унтербергер П.Ф. Приамурский край. 1906–1910 гг. Очерк. СПб., 1912. С. 105.

- ⁹ Всесоюзная перепись населения 1926 года Т. 41. Дальневосточный край. Якутская АССР. М., 1930. С. 26.
- ¹⁰ *Подставин Г.В.* Краткие сведения о корейских обществах в Приамурском крае [1914 г.] (документ № 126) // *Корейцы на российском Дальнем Востоке...* С. 306–307.
- ¹¹ *Джарьылгасинова Р.Ш., Загорулько А.В.* Из истории наименований корейских поселений на русском Дальнем Востоке // *Топонимия России.* М., 1993. С. 100–119; *Джарьылгасинова Р.Ш.* Из истории возникновения и бытования русских наименований корейских поселений на Дальнем Востоке (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Ономастика Поволжья: Матер. Седьмой конф. по ономастике Поволжья,* М., 1997. С. 64–76.
- ¹² Докладная записка исполняющего должность инспектора линейных батальонов Восточной Сибири, расположенных в Приморской области, полковника Ольденбурга [25 сентября 1864 г., г. Николаевск] (документ № 1) // *Корейцы на российском Дальнем Востоке...* С. 17.
- ¹³ *Пржевальский Н.* Указ. соч. С. 110.
- ¹⁴ Там же. С. 111.
- ¹⁵ Записка генерал-губернатора Восточной Сибири М.С. Корсакова о выделении средств на создание школы для корейцев, направленная военному губернатору Приморской области [30 августа 1866 г., п/х “Зая”] (документ № 7) // *Корейцы на российском Дальнем Востоке...* С. 24.
- ¹⁶ *Петров А.И.* Корейская диаспора на Дальнем Востоке России. 60–90-е годы XIX в. Владивосток. 2000. С. 206–207.
- ¹⁷ Подробнее об истории школьного дела среди корейцев российского Дальнего Востока см.: *Белов М.В.* Просветительская деятельность Русской Православной Церкви среди корейских иммигрантов в дореволюционной России // *Актуальные проблемы российского востоковедения.* М., 1994. С. 74–88; *Нам С.Г.* Российские корейцы: история и культура (1860–1925 гг.). М., 1998. С. 150–162; *Петров А.Н.* Указ. соч. С. 206–227.
- ¹⁸ *Шрейдер Д.И.* Наш Дальний Восток. СПб., 1897. С. 152–178.
- ¹⁹ Там же. С. 153.
- ²⁰ Там же. С. 156–157.
- ²¹ Сведения, предоставленные автору во время беседы с проф. М.Н. Паком (февраль, 2004 г.).
- ²² *Концевич А.Р.* Особенности корейской топонимии // *Концевич Л.Р.* Корееведение. Избр. работы. М., 2002. С. 316.
- ²³ Там же. С. 316, 320.
- ²⁴ *Пржевальский Н.* Указ. соч. С. 110.
- ²⁵ *Пак Б.Д.* Указ. соч. С. 88.
- ²⁶ Там же. С. 140.
- ²⁷ *Петров А.И.* Указ. соч. С. 207.
- ²⁸ *Крюков Н.М.* Очерк сельского хозяйства в Приморской области. СПб., 1893.
- ²⁹ *Пак Б.Д.* Указ. соч. С. 87.
- ³⁰ Подробнее о жизни и деятельности Чхве Джэхёна см.: *Цой Вал.П.* Просветитель и организатор национально-освободительного антияпонского движения корейцев в конце XIX – начале XX веков Цой Я Хен (Цой П.С.) // *Актуальные проблемы российского востоковедения.* М., 1994. С. 57–73; *Цой Валентин.* Это надо знать и помнить // *Дорогой горьких испытаний. К 60-летию депортации корейцев России.* М., 1997. С. 127–128; *Цой В.В.* Чхве Джэхён Цой. Петр Семенович. Изд. 2-е, доп. Алматы, 2001.
- ³¹ *Цой В.В.* Чхве Джэхён. Цой Петр Семенович. С. 110–111.
- ³² *Корейцы на российском Дальнем Востоке...* (документы № 119, 120, 122–124).
- ³³ *Цой Вал.П.* Указ. соч. С. 62–63.
- ³⁴ *Хрисанф (Шетковский Х.П.),* епископ. От Сеула до Владивостока (Путевые заметки миссионера) // *История Российской Духовной миссии в Корее: Сб. статей.* М., 1999. С. 113.
- ³⁵ *Югай С.П.* О жизни одной семьи российских корейцев // *Дорогой горьких испытаний.* С. 146.
- ³⁶ Там же. С. 147.
- ³⁷ *Любатович Б.* Посьетский район. Владивосток, 1913. С. 10.
- ³⁸ *Концевич Л.Р.* Указ. соч. С. 316, 318.
- ³⁹ *Джарьылгасинова Р.Ш., Загорулько А.В.* Указ. соч. С. 109–110.
- ⁴⁰ *Пржевальский Н.* Указ. соч. С. 106.
- ⁴¹ Там же. С. 127; Прилож. С. 51.
- ⁴² *Пак Б.Д.* Указ. соч. С. 89.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ *Любатович Б.* Указ. соч. С. 10.
- ⁴⁵ *Павел (Ивановский),* иеромонах. Краткий очерк развития миссионерского дела среди корейцев Южно-Уссурийского края // *История Российского Духовной миссии в Корее...* С. 144.
- ⁴⁶ *Петров А.Н.* Указ. соч. С. 90.
- ⁴⁷ *Гарин Н.Г.* Из дневников кругосветного путешествия (По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову). Изд. 2-е, испр. М., 1950. С. 81–82.
- ⁴⁸ *Пак Б.Д.* Указ. соч. С. 89.
- ⁴⁹ Там же. С. 89–90.
- ⁵⁰ *Гарин Н.Г.* Указ. соч. С. 86.
- ⁵¹ *Хрисанф (Шетковский Х.П.),* епископ. Указ. соч. С. 109.
- ⁵² *Павел (Ивановский),* иеромонах. Указ. соч. С. 144.

- ⁵³ *Гарин Н.Г.* Указ. соч. С. 82–83.
- ⁵⁴ *Хрисанф (Шетковский Х.П.)*, епископ. Указ. соч. С. 111.
- ⁵⁵ *Пак Б.Д.* Указ. соч. С. 90.
- ⁵⁶ Там же. С. 89.
- ⁵⁷ *Кириллов А.* Географо-статистический словарь Амурской и Приморской областей, Благовещенск, 1894. С. 466; *Ким Сын Хва.* Очерки по истории советских корейцев. Алма-Ата, 1965. С. 33, 50.
- ⁵⁸ *Эндин.* Среди корейского населения (Деревня Фаташи Никольск-Уссурийского уезда) // Красное знамя. 1925. 26 мая (Архив Н.В. Кюнера. МАЭ. СПб., Подборка газетных вырезок, собранная и составленная Н.В. Кюнером).
- ⁵⁹ *Пак Б.Д.* Указ. соч. С. 89.
- ⁶⁰ Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 16а (полutom 32). СПб., 1895. С. 481–482.
- ⁶¹ *Ким Сын Хва.* Указ. соч. С. 33; *Песоцкий В.Д.* Корейский вопрос в Приамурье. Хабаровск, 1913. С. 172; *Пак Б.Д.* Указ. соч. С. 92.
- ⁶² *Пак Б.Д.* Указ. соч. С. 92.
- ⁶³ Там же; *Петров А.И.* Указ. соч. С. 87.
- ⁶⁴ *Ким Сын Хва.* Указ. соч. С. 50; *Пак Б.Д.* Указ. соч. С. 91–92.
- ⁶⁵ *Пак Б.Д.* Указ. соч. С. 89.
- ⁶⁶ *Петров А.Н.* Указ. соч. С. 90. Табл. 2.
- ⁶⁷ *Павел (Ивановский)*, иеромонах. Указ. соч. С. 143.
- ⁶⁸ Прощение корейских подданных, проживающих в местности Верхний Мангутай (документ № 46) // Корейцы на российском Дальнем Востоке... С. 101.
- ⁶⁹ *Павел (Ивановский)*, иеромонах. Указ. соч. С. 123.
- ⁷⁰ Прощение корейских подданных... // Корейцы на российском Дальнем Востоке... С. 101–102.
- ⁷¹ *Петров А.Н.* Указ. соч. С. 274.
- ⁷² Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. XXVa (полutom 50). СПб., 1898. С. 821; *Петров А.И.* Указ. соч. С. 248.
- ⁷³ *Кафаров П.И.* Этнографическая экспедиция в Южно-Уссурийский край // Изв. Императорского русского географического общества. Т. VII. Вып. 2. СПб., 1873. С. 93.
- ⁷⁴ *Концевич Л.Р.* О развитии традиционного корееведения в царской России (историко-библиографический очерк) // *Концевич Л.Р.* Корееведение. С. 552–553.
- ⁷⁵ Цит. по: *Пак Б.Д.* Указ. соч. С. 93.
- ⁷⁶ *Селькор Работящий.* Среди корейцев Приморья (Никольск – Уссурийский уезд) // Дальневосточный путь. 1925. 25 мая (Архив Н.В. Кюнера. МАЭ. СПб. Подборка газетных вырезок, собранная и составленная Н.В. Кюнером).
- ⁷⁷ *Ким Максим Павлович* // Энциклопедия корейцев России... С. 937–938.
- ⁷⁸ *Хван Иннокентий Иванович (Хван Дон Мин)* // Энциклопедия корейцев России... С. 1203.
- ⁷⁹ Корейцы на российском Дальнем Востоке... С. 349.
- ⁸⁰ Там же. С. 36.
- ⁸¹ Корейцы на российском Дальнем Востоке... С. 348.
- ⁸² *Кириллов А.* Указ. соч. С. 465; *Петров А.И.* Указ. соч. С. 249.
- ⁸³ *Пак Б.Д.* Указ. соч. С. 92.
- ⁸⁴ *Петров А.И.* Указ. соч. С. 274.
- ⁸⁵ *Пак Б.Д.* Указ. соч. С. 94.
- ⁸⁶ Корейцы на российском Дальнем Востоке... С. 348.
- ⁸⁷ *Пак Б.Д.* Указ. соч. С. 86.
- ⁸⁸ *Павел (Ивановский)*, иеромонах. Указ. соч. С. 136.
- ⁸⁹ Корейцы на российском Дальнем Востоке... С. 349.
- ⁹⁰ *Пак Б.Д.* Указ. соч. С. 49, 142.
- ⁹¹ *Петров А.И.* Указ. соч. С. 274.
- ⁹² *Ким Сын Хва.* Указ. соч. С. 185–186.
- ⁹³ *Павел (Ивановский)*, иеромонах. Указ. соч. С. 136.
- ⁹⁴ *Петров А.И.* Указ. соч. С. 274.
- ⁹⁵ *Ким Георгий Федорович* // Энциклопедия корейцев России... С. 909–914.
- ⁹⁶ *Подставин Г.В.* Краткие сведения о корейских обществах в Приамурском крае [1914] (документ № 126) // Корейцы российского Дальнего Востока... С. 307.
- ⁹⁷ *Концевич Л.Р.* Указ. соч. С. 317.
- ⁹⁸ Цит. по: *Пак Б.Д.* Указ. раб. С. 94.
- ⁹⁹ *Колбин Ар.* В корейской деревне (Николаевка Сучанской волости) // Красное знамя. 1925. 8 авг. (Архив Н.В. Кюнера. МАЭ. СПб. Подборка газетных вырезок, собранная и составленная Н.В. Кюнером).
- ¹⁰⁰ *Кириллов А.* Указ. соч. С. 417.
- ¹⁰¹ *Петров А.И.* Указ. соч. С. 274.
- ¹⁰² *Пак Петр.* Грустно вспоминать... // Ленин кичи (Ленинское знамя). Алма-Ата, 1989. 14 окт. С. 3. (на рус. яз.).
- ¹⁰³ *Пак Б.Д.* Указ. соч. С. 39–41.